

ТРИ НЕМЕЦКИХ БУЛОЧНИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

© Елена Папилова

THREE GERMAN BAKERS AS DEPICTED IN 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Elena Papilova

This article investigates the stereotypical image of a German baker in Petersburg. Our analysis is based on the following works of three writers: Alexander Sergeyevich Pushkin's novel "Eugene Onegin", Vladimir Ivanovich Dal's story "A Person's Life, or A Walk along Nevsky Prospect" and Pyotr Andreyevich Karatygin's vaudeville "The Bakery, or a Petersburg German". The article concludes that the components, constituting the images of the Germans are very similar, these components being their national character, mentality, features of everyday life and speech characteristics. The type of a German baker reflects the peculiarities of German craftsmen from Petersburg in the mid-19th century. Because of the large number of such artisans, they were well known to the inhabitants of the capital. The images, created by the authors, are typified: the characteristic features of the German bread merchants were easily recognizable by their contemporaries. The writers portrayed them as the ones immersed in a limited world of petty-bourgeois interests, everyday problems and everyday life. The attitude of the authors towards the German characters is full of both good humor and undisguised irony over the limitations of their lives, the desire to show their superiority over the Russians, elevating their craft to the rank of art. The article examines in detail P. A. Karatygin's vaudeville "The Bakery..." little known to the general reader, its very genre suggesting a comic basis.

Keywords: image of a German, imagology, Petersburg, Pushkin, Dal, Karatygin

В статье на материале трех произведений – романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, повести «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» В. И. Даля и водевиля П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» – рассматривается имагологический образ немецкого булочника, созданный писателями. Автор приходит к выводу о схожести компонентов, составляющих образы героев: их национальный характер, ментальность, приметы быта, речевые характеристики. Тип немца-булочника в концентрированной форме отражает национальные особенности немцев-ремесленников Петербурга XIX века. Ввиду большого числа таких мастеровых, они были хорошо знакомы столичным обывателям. Образы, созданные авторами, типизированы: характерные черты немецких торговцев хлебом были легко узнаваемы современниками. Писатели изображали их погруженными в ограниченный мирок мещанских интересов, житейских проблем, повседневной жизни. При этом отношение авторов к персонажам-немцам преисполнено и добрым юмором, и нескрываемой иронией над ограниченностью их жизни, стремлением возвысить себя над русскими, возведением своего ремесла в ранг искусства. В статье особенно подробно рассматривается малоизвестный широкому читателю водевиль П. А. Каратыгина «Булочная...», сам жанр которого предполагает комическую основу.

Ключевые слова: образ немца, имагология, Петербург, Пушкин, Даль, Каратыгин

Русская литература XIX в. густо «населена» иностранцами, особенно много среди них немцев. Эта нация с петровских времен основательно вошла во все сферы русской жизни. Жители столицы пребывали в тесном контакте с немецкими ремесленниками – часовщиками, аптекарями, сапожниками, пивоварами, портными, мебельщиками, мясниками и др. К ним относились

и булочники, что нашло отражение на страницах русской классики.

В «Евгении Онегине» (1833) ранним утром, когда Онегин возвращается с бала, «*Петербург неугомонный / Уж барабаном пробужден*» (строфа XXXI). Среди прочего оживления пробуждающегося города:

«Хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колтаке, не раз

Уж отворял свой васисдас» (здесь и далее курсив мой. – Е. П.).

Аккуратность и белый колпак станут неизменными атрибутами булочника-немца в последующих произведениях русской литературы. В примечаниях к роману Ю. М. Лотман пишет, что фраза «не раз уж отворял свой васисдас» значит, что хлебник продал уже не одну булку. Васисдас (фр. *vasistas* ‘форточка’) – германизм во французском языке (от нем. *was ist das?* ‘что это?’), означающий форточку или верхнюю часть двери, через которую булочник разговаривал с покупателями и продавал хлеб. Более того, «васисдас» был жаргонной кличкой немца [1, с. 198]. Это слово вошло в обиход петербургской жизни XIX века и устойчиво ассоциировалось с лавкой немца.

В повести В. И. Даля «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» (1843) выведены несколько немцев – жестянщик, токарь, доктор и булочник. Притом почти всех их (кроме доктора) зовут Иванами Ивановичами: булочника «звали, разумеется, Иваном Ивановичем, как уже и в то время звали всех немцев-булочников и колбасников» [2, с. 332]. Булочник и колбасник были типичными профессиями русского немца. В примечаниях к сборнику повестей и рассказов Даля указывается, что в первой половине XIX в. подавляющее большинство булочников в Петербурге были немцами [3, с. 415]. Рисуя портрет своего героя, автор не без иронии называет его «добрым булочником», «художником в своем ремесле», «человеком весьма скромным и заносчивым», нажившим «порядочное состояние» [2, с. 332]. Отмеченные Пушкиным атрибуты немца-хлебника (аккуратность, колпак) с точностью повторяются Далем: Иван Иванович носит «белый как снег колпак» и меняет на себе «верхнее белье, колпак и передник по три раза в неделю» [Там же, с. 333]. Ему свойственны аккуратность и степенность: он «положил белую глиняную трубочку свою бережно на карниз печки, <...> отворил *осторожно* двери, <...> он делал все вообще *не торопясь*». Речь немца грамматически неправильна, наполнена ошибками («Ну, какой *письмо*, что нужно?»), хотя он и освоил «прескверную русскую брань со свойственною иностранцам легкостью» [Там же].

Булочник Иван Иванович и его жена Анна Ивановна, также немка, – бездетная пара. Они берут на воспитание подкинутого к их дому мальчика. Подросткового Оську немец отдает на обучение другу-жестянщику, но этот немец, комически возводящий свое ремесло в ранг искусства, прогоняет ученика: за два года он убедился,

что в Оське «не таится *тонкое чувство изящного*», обязательное для профессии жестянщика, недостает «смелости и самоуверенности в размахе клепального молотка» [Там же, с. 339], он не способен стать «*добрым*» мастерским (профессионалом своего дела). Анна Ивановна сожалела, что Оська не был одной с ними веры (ребенка подкинули с «медным тельником» на шею), ведь она могла бы снискать ему место кистера (дьячка) в немецкой церкви [Там же, с. 337]. Овдовев, она одна возвращается на родину в Силезию.

Наиболее полный образ немца-булочника создан Петром Андреевичем Каратыгиным (1805–1879) в водевиле «Булочная, или Петербургский немец» (1843). Этот человек знаменит прежде всего как актер Императорских театров, знакомый со многими известными современниками (балетмейстер Ш. Дидло, балерина М. Тальони, директор театров А. М. Геденов, актер М. С. Щепкин), а также как драматург. Его перу принадлежат 73 пьесы – 46 водевилей и 27 комедий, многие из которых ставились на сцене при жизни автора.

Среди героев водевиля – булочный мастер Иван Иванович Клейстер, его дочь Машенька, подмастерье Карлуша, чиновник в годах Семен Семенович Флюгеров и молодой чиновник Шагаев, а также другой булочник, друг Ивана Ивановича – Христиан Богданович Цвибак.

Действие происходит в булочной Ивана Ивановича Клейстера, расположенной на Васильевском острове. На улицу ведет окно с медной форточкой, через которую продается хлеб. Эта форточка называется героями *васисдасом*. Над ней – вывеска: венец над большим кренделем. Внутри комнаты – шкафы со стеклянными банками с выпечкой, весы, часы, зеркало. По всему ясно, что булочная немца не богата: в ней нет парадного входа с улицы, на что жалуется Флюгеров («Как досадно, <...> со двора чистоплотному человеку очень неприятно ходить» [4, с. 10]). Торговое помещение соединено с жилыми комнатами немца, и этим пользуется Шагаев, взаимно влюбленный в Машу: каждый день он заказывает большой крендель, который не проходит в форточку, и под этим предлогом он попадает в дом булочника со двора.

Как и персонажи Пушкина и Даля, Клейстер появляется в пьесе в *белом колпаке*, с трубкой [Там же, с. 8]. Под стать ему и его подмастерье Карлуша – в *белом фартуке* [Там же, с. 3]. Клейстер – «честный», «добрый» булочник, Флюгеров говорит ему: «У вас и сердце и мука *совершенно чистые*, вы *мастер своего дела*» [Там же, с. 14]. О том же свидетельствует Шагаев: «Я уверен, что лучше вашей булочной нет даже на

Невском проспекте» [Там же, с. 36]. Впрочем, и сам немец уверен, что качество его товара отличное. Он весело напевает песенку:

«Могу сказать: я точно *мейстер*,
А не простой мастеровой.
Каков Иван Иванович Клейстер,
Нигде не сыщется другой.
Васильской остров очень знает
Меня по честности своей.
Сам частный пристав забирает
Здесь булки, хлеб и сухарей» (мейстер – от нем.
Meister ‘мастер’) [Там же, с. 15]

Как видно уже по песенке булочника, его русская речь грамматически неправильна. Ломаный русский язык – постоянная характеристика немца в русской литературе. Клейстер – яркий тому пример. В его речи множество ошибок: прежде всего неправильное употребление глагола («Что вы все *хочете* от меня? *Растолковайте* мне», «Ну что ты тут еще *приставаешь*? Зачем ты давно спать не *лягешь*?», «*Ухаживай* прочь!» (уйди), «Это до тебя не *прикасается*» (тебя не касается)); неправильное склонение слов и употребление предлогов («Вы совсем не для того бываете здесь *на каждую неделю*», «Вот уж *три ночей* не могу засыпать: ваша страшная фигура не дает мне *спокою*», «Он шинелю на своих плечи имеет», «Преважнейшее происшествие говорил, через которого мы можем достать большая неприятность»), неправильное, на немецкий манер, построение фразы («Он ваш племянник *есть*»), фонетические особенности («Это *прикрасно!* Прикрасная штука!»).

Вместе с тем Клейстер обнаруживает хорошее знание русских пословиц, которые он, однако, тоже коверкает. Им в пьесе высказано восемь пословиц, приведем их полностью: «Один нехороший овечек все стадо запортил», «Десять разов отрезывай, а один обмеривай», «За то много щук на воде живут, чтоб караси не ложились спать», «Суженого коня не объезжают», «Настоящих приятелей в неприятностях можно узнавать», «Страх большие глаза имеет», «Жена совсем не гитара есть, на которую можно, поигравши, на стенку повешать», «Кто за кого родился, тому надо за него жениться». Есть в речи немца и ломанные поговорки: «Надо через это ухо *вострое* держать», др.

Клейстер живет в России уже тридцать пять лет, был женат на русской, овдовел. Флюгеров, желая угодить немцу, говорит ему: «Вы, Иван Иванович, совсем похожи на русского и говорите так, что ничего не узнаешь». Эта неприкрытая лесть приятна немцу, он отвечает «с довольной улыбкой»: «Да, я совсем выгляжу на русского и

буду гордость через это иметь. Который человек не знает моя фамилия, совсем не может догадываться, что я немец есть» [Там же, с. 11]. Национальное самосознание немца таково, что он считает себя почти русским (вопреки ломаной русской речи). Его претензия казаться тем, кем он на самом деле не является, рождает комический эффект.

В пьесе Клейстер только единожды говорит по-немецки – со своим коллегой, булочником Христианом Богдановичем Цвибаком [Там же, с. 8]. Приведенный в *немецкой литературе* (перевод не дан автором), их диалог свидетельствует о каком-то событии, которым оба мастеровых очень обеспокоены. Позднее зритель понимает, что речь о закрытии в Петербурге нескольких булочных, в которых подмешивали муку. Хотя Клейстер уверен в качестве своего товара («Французская булка и на руке слышать, что она какая должна быть, совсем такая есть» [Там же, с. 36]), неприятные новости заставляют его думать, что молодой человек, наведывающийся каждый день в его булочную (влюбленный в Машу Шагаев), – чиновник, кому поручено найти нарушения и в его, Ивана Ивановича, булочной. Этим обусловлен комизм ситуации, когда герои, наконец, смогут объясниться: немец будет говорить с ним как с полицейским чиновником, а Шагаев – как с потенциальным тестем (основанный на взаимном страхе героев, их разговор напоминает диалог ревизора с городничим в пьесе Н. В. Гоголя).

Дочь Клейстера Маша, напротив, говорит по-русски чисто и считает себя русской. «Какая же я немка?» – говорит она Флюгерову, поясняя, что ее матушка была русской, и сама она воспитывалась в пансионе с русскими, и даже говорит по-немецки «очень нехорошо» [Там же, с. 21].

В Машу влюблены сразу три персонажа – Семен Семенович Флюгеров, подмастерье Карлуша и Шагаев, последнему она отвечает взаимностью. Флюгеров зачастил к немцу и всячески льстит ему, потому что намерен сделать предложение его дочери. О своей аккуратности, сравнивая ее с немецкой, он говорит: «Маленькое пятнышко, где бы то ни было, мне очень чувствительно! Насчет *аккуратности* я чистый немец» [Там же, с. 11]. О своей фамилии Флюгеров говорит, что она точно немецкая, что товарищи не называют его Флюгеровым, а говорят: «Ты-де Флюгер – немец... и начальник отделения за *исправность* в немцы пожаловал». Он уверяет Клейстера, что у него все – и платье, и сапоги, и мебель – «*все немецкой работы*». Признаваясь в уважении к немцам, он называет их «*образцовым народом*». Жену-немку он почитает идеальной

хозяйкой, рачительной и экономной: «Из гривны 15 копеек сделает. <...> Одно платье на три фасона переделает... и украсит, и перекрасит, и выворотит, и мужа не введет в убыток» [Там же, с. 11]. На возражение Клейстера, что и его русская жена «добрейшей» была, Флюгеров продолжает настаивать, что «жена-немочка – другое дело». Он сравнивает русских и немецких чиновников: первые, по его словам, зачастую по причине своей неорганизованности и лени не продвигаются далеко по службе («Дошел до титулярного да и сел»). Но немцы, с их «терпением и аккуратностью», всего добиваются, так что получается, что «немец или пересидит тебя, или перегонит» [Там же, с. 13]. Свой дифирамб немцам Флюгеров заканчивает словами: «Я люблю немцев вообще, а вас в особенности... Так люблю и уважаю, что просто хотел бы породниться с вами» [Там же, с. 16, 17].

Раздумывая над разницей в возрасте (ему пятьдесят два, ей около восемнадцати), над тем, что Маша, стоя у форточки своей булочной, насмотрелась на людей и знает всему цену, Флюгеров засомневался: «Ведь и сухарь третьеводнишний дешевле продается, все давай свежее» [Там же, с. 19]. Но, приняв во внимание свой «высокоблагородный» чин и знак беспорочной службы, он приходит к выводу, что, напротив, делает честь своим сватовством [Там же, с. 19]. Разглядывая себя перед зеркалом, он самодовольно отмечает и румянец, и «ни одного седого волоса ... под париком». Флюгеров снисходительно отказывается от приданого («Я, разумеется, приданого от вас не потребую!» [Там же, с. 17]), хотя наедине с собой рассуждает о Клейстере: «Этот *васисдас* еще ломается, и приданого-то, пожалуй, отвалит булок да сухарей». Флюгеров считает себя «тертым калачом», он уверен в том, что деньги у хлебника есть, только «у немца их вытаскать все равно что угря на удочке: чуть круто повернул – и пиши пропало!». Он намерен взять с будущего тестя расписку. «Немец хитер, да я сам чернильный орешек, меня не скоро раскусишь» [Там же, с. 19], – рассуждает он. Последняя реплика созвучна с пословицей из сборника Даля: *Немец хитер: обезьяну выдумал* [5, с. 196]. Своим намерением «облагодетельствовать» бедную девушку Флюгер схож с героем пьесы И. С. Тургенева «Холостяк» фон Фонком, который отговаривает Вилицкого от брака с Марьей Васильевной, бедной девушкой низкого социального статуса, потому что это идет вразрез с его правилом об «избегании близких сношений с людьми низшего круга».

Разговаривая с Машей, Флюгеров сравнивает ее со сладкой патокой, называет своей «пышеч-

кой», «бухгалтерской книгой, настоящим *гросс-бухом*», обращается к ней: «*шиёнес* Марья Ивановна» (милая, красивая), пытается поговорить с ней по-немецки: «*Ви бэфинден зи зих*, Марья Ивановна?» (как вы себя чувствуете?), отвечивает комплименты немецкому языку: «В немецком наречии есть такие слова нежные, мягкие, например “*Их либе зи!*”» (я вас люблю) ... И все же получает отказ, чем крайне возмущен: «Вот немки-то каковы! Ведь живет в *нижнем этаже*, а как свысока рассуждает!», «Прошу покорно! Чиновник 9 класса сватается к *булочнице*, а она еще *ширлих-манирлих!* <...> В этой *дурацкой* булочной только мараешь себя и физически и морально» [4, с. 25, 26].

В финале Шагаев сватается к дочери булочника и получает согласие. Клейстер, со свойственной немцам педантичностью, намерен изучить жениха: «Мне надо вас много порасспрашивать... я не могу же так, с *пришпехта*, взять жениха для своей дочки?.. Надо все *аккуратно* сделать» [Там же, с. 39]. Флюгеров, к общему удивлению, оказывается дядюшкой Шагаева, сначала он отрицает, что сам сватался к Маше, но, уличенный и ею, и ее отцом, быстро ретируется и вынужден согласиться на брак племянника. При этом он вероломно замечает ему: «В тебе, братец, нет никакой амбиции: женишься на *булочнице!*» [Там же, с. 44]. Бедный подмастерье Карлуша так и остается со своими мечтами о Маше.

Все действие водевиля происходит в стенах булочной, персонажи предстают в бытовой обстановке, погруженными в житейские заботы. Недаром М. Паушкин назвал это произведение *бытовым водевилем*, чье «содержание и мораль не выходят за пределы *мещанского* мира, его понятий и интересов» [6, с. 24].

Водевиль Каратыгина был впервые поставлен на сцене 26 октября 1843, чуть позже его посмотрел государь Николай I и, впечатленный, пожаловал автору бриллиантовый перстень [7, с. 304]. По воспоминаниям Каратыгина, его друг А. А. Катенин, который несколько лет был губернатором Оренбургской губернии, рассказывал, что у них в Оренбурге была одна немецкая булочная. По совпадению, ее хозяйина тоже звали Иваном Ивановичем, и у него тоже была молодая дочь. Однажды этот немец пошел в театр посмотреть водевиль Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» и, будучи убежден, что в пьесе изображен именно он, до того рассердился, что закрыл свою лавку и покинул город. Весь Оренбург, по словам Катенина, целую неделю мучился без свежих сухарей, пока, наконец, «не образумили раздраженного Ивана Ива-

новича и не уговорили его воротиться!» [Там же, с. 305]. Этот реальный случай свидетельствует о том, что автору удалась типизация немца-булочника, чей образ жизни, ментальность, речь были легко узнаваемы современниками. Они были иронически осмыслены автором водевиля.

Немцы-булочники трех произведений разных авторов предстают перед читателем очень схожими в своем национальном своеобразии. В их образе подчеркиваются аккуратность, размеренность, трудолюбие, профессионализм, постоянными атрибутами становятся белый колпак и фартук. Отношению авторов к своим героям свойственен и добродушный юмор, и ирония над мещанской ограниченностью их жизни. В основе этого образа лежал исторический опыт взаимодействия русского человека с многочисленным цехом немецких булочников, которые, по замечанию Е. Н. Шушлебиной, взяли в свои руки почти все хлебобулочное производство Петербурга XIX века [8, с. 88] (перевод мой. – Е. П.).

Список источников

1. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Азбука, 2014. 507 с.
2. Даль В. И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Книжный клуб Книгоvek: Terra, 2017. 653 с.
3. Даль В. И. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. 429 с.
4. Булочная, или Петербургский немец. Водевиль в одном действии П. А. Каратыгина. СПб.: М. В. Попов, 1880. 44 с.
5. Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2008. 638 с.
6. Паушкин М. Старый русский водевиль и П. А. Каратыгин // П. А. Каратыгин. Водевиль. М.: Гослитиздат, 1937. 219 с.

7. Записки П. А. Каратыгина. 1805–1879. Изданы и редактированы сыном покойного П. П. Каратыгиным. СПб.: [б.и.], 1880. 336 с.

8. Шушлебина Е. Н. Три века Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург и петербургские немцы) / Drei Jahrhunderte von St. Petersburg (St. Petersburg und Petersburger Deutsche). СПб.: Паритет, 2004. 124 с.

References

1. Lotman, Yu. M. (2014). *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin". Kommentarii* [A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". A Commentary]. 507 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
2. Dal', V. I. (2017). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 2* [Collected Works: In 8 Vol. Vol. 2]. 653 p. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek, Terra. (In Russian)
3. Dal', V. I. (1983). *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. 429 p. Moscow, Sov. Rossiya. (In Russian)
4. Karatygin, P. A. (1880). *Bulochnaia, ili Peterburgskii nemets. Vodevil' v odnom deistvii* [Bakery, or the Petersburg German. A Vaudeville in One Act]. 44 p. St. Petersburg, M. V. Popov. (In Russian)
5. Dal', V. I. (2008). *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and Sayings of the Russian People]. 638 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
6. Paushkin, M. (1937). *Staryi russkii vodevil' i P. A. Karatygin* [The Old Russian Vaudeville and P. A. Karatygin]. P. A. Karatygin. Vodevili. 219 p. Moscow, Goslitizdat. (In Russian)
7. *Zapiski P. A. Karatygina. 1805– 1879* (1880) [The Notes by P. A. Karatygin. 1805– 1879]. Izdany i redaktirovany synom pokoinogo P. P. Karatyginym. 336 p. St. Petersburg. (In Russian)
8. Shushlebina, E. N. (2004). *Tri veka Sankt-Peterburga (Sankt-Peterburg i peterburgskie nemtsy)* [Three Centuries of St. Petersburg (St. Petersburg and Petersburg Germans)]. Drei Jahrhunderte von St. Petersburg (St. Petersburg und Petersburger Deutsche). 124 p. St. Petersburg, Paritet. (In German)

The article was submitted on 30.06.2022

Поступила в редакцию 30.06.2022

Папилова Елена Вячеславовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский государственный университет
нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Россия, Москва,
Ленинский просп., 65, к.1.
llennochka@mail.ru

Papilova Elena Vyacheslavovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian State University of Oil and Gas
named after I. M. Gubkin,
65-1 Leninsky Prosp.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
llennochka@mail.ru